

Теория и исследования

Проблемы развития и бытия личности

Валерия Мухина

ГЛУБИННЫЙ СМЫСЛ ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОГО «ПОРА» В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Аннотация. В статье рассматриваются: история понимания значения проблем жизненного пути личности; глубинный смысл предопределенного «пора» как смыслообразующего для человека концепта и необходимости сделать выбор; смысл жизни как психологический способ переживания жизни; жизненные позиции личности; стремление личности к переходу от воспитания к самовоспитанию, от образования к самообразованию.

Ключевые слова: «пора» – смыслообразующий концепт; жизненный путь личности как психологическая проблема; свободный выбор; притязание на признание; проблема личной судьбы; хронополе; пробуждение души; психологическая эволюция души; потребность личности в самоосуществлении; смысл жизни; ответственность, свобода и одиночество личности; свобода выбора; самостояние.

Abstract. The purpose of this article is to illustrate ways in which personality develops: the complexity of life-way of the person; the deep sense predetermined by “it’s high time” as turning point for the person; meaning of the life as a complicated way of human experience; vital positions of the person; motivation of the person to transition from education to self-education, from formation to self-education.

Keywords: the role of “it’s high time” as turning point for the person; the complexity of life-way of the person; a free choice; claim on a recognition; a problem of personal destiny; psychological time, soul awakening; psychological evolution of soul; personal requirement for self-realisation; meaning of the life; responsibility, freedom and loneliness of the person; a freedom in choosing; selfstanding.

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь – как раз умрем.

А. С. Пушкин, 1834

1. Значения и смыслы знакового слова «пора»

«Порá» – удивительное слово, означающее время, которое настало для свершений чего-либо значимого для жизни телесной, социальной и духовной.

В нашем языке существуют пословицы, указующие на неотвратимость наступающего времени: «Не время дорого, пора», «Родить – нельзя годить» [1], или «Придет пора – турнет курносая со двора» [2].

«Пора» означает неукоснительно наступающее время, в которое должно совершиться то, что предопределено природой, традицией, государственной системой или самим человеком – его свободным выбором. «Пора» означает, что срок настал, время пришло. В индивидуальной жизни человека указание «пора» присутствует постоянно. Это не только указание на то, что «пора родиться» («Родить – нельзя годить». Вл. Даль) или «пора помирать» («Смерть пришла». Вл. Даль), но и «пора ползать», «пора встать на ножки», «пора ходить», «пора говорить» и т.д. Здесь идет указание на рождение, развитие, созревание, на конец индивидуальной телесной жизни.

Словом «пора» мы пользуемся и тогда, когда оцениваем этапы социального и психического развития человека: «пора детских игр», «пора учиться», «пора подростковых кризисов», «пора юношеских увлечений», «пора выбора профессии», «пора жениться», «пора обзаводиться домом» и др. Слово «пора» побуждает нас считаться с обусловленным традициями временем, требующим от человека определенных действий, выбора, поступков. Субъективно для человека возникает проблема: *считаться* со временем, *подчиняться* времени или *противостоять* ему. Однако реально время доминирует над человеком – приходится с ним считаться. Если, конечно, человек – Homo sapiens.

Слово «пора» имеет множество значений, указующих на время, связанное с природными циклами, принуждающих человека считаться с ними. «Пора» регулирует также социализацию и само бытие человека, при этом здесь просматриваются вариации реакций

«Пора» как этап социального и психического развития человека

«Пора» как время, связанное с природными циклами

Социальные ожидания: «пора» – побуждает человека к действию

людей: одни воспринимают «пора» как должное, необходимое принятие внешних условий или внутренних побуждений; другие готовы противостоять этому указующему значению.

Я уже писала о том, что социальные ожидания побуждают человека повелеть самому себе: «пора сделать выбор», «пора утвердить себя в жизни (в профессии, в семье, в личных внутренних достижениях)» [3]. Мы можем судить о личности по тому, какую позицию занимает человек по отношению к месту среди людей, по отношению к пониманию им ожиданий от самого себя в мире, по отношению к избранному жизненному пути, когда социальное «пора» станет стимулирующим «пора» самого человека по отношению к своим амбициям и пониманию необходимости разумного контроля над ними [4].

«Пора» – значимый для самосознания и самосозидания смыслообразующий концепт. Понятие «пора» для самого человека должно быть указанием на то, что настает время неукоснительного самоопределения в жизни – выбора жизненного пути, образа жизни и определения для себя смысла жизни [5].

Я полагаю, что пробуждение самосознания всегда будет содействовать пониманию того, что настала *пора* созидания себя как личности [6].

Конституирование *со-бытия* в понимании М. Хайдеггера

В русле экзистенциальной философии и психологии М. Хайдеггер показал, что глубинная проблематика онтологии, – учение о бытии и способах бытия, – коренится в феномене времени. Содержательно М. Хайдеггер конституировал *со-бытия* как введение *времени в бытие*.

М. Хайдеггер исследовал бытие и время через традиционные понятия, а также через открытые им новые значения и смыслы. Он изучал так называемые *временность присутствия* и *озабочение времени*. Наряду с философскими категориями: *время и бытие; время и пространство; прошлое, былое, осуществившееся; настоящее, присутствие бытие-вот, человеческое бытие; будущее, наступающее, наступающее* [7] (они же являются и понятиями, постоянно присутствующими в нашей обыденной жизни) – М. Хайдеггер обращался к таким временным понятиям, как «*теперь*», «*потом*», «*тогда*». Он писал: «В “*потом*” озабочение выговаривается ожидая, в “*тогда*” удерживая и в “*теперь*” актуализируя» [8]. Эти временные указания «*теперь*», «*потом*» и «*тогда*» – толкующая себя временность [9].

Разнообразие понятий, отражающих временность присутствия человека в мире

«Пора» – знак, указующий на свободный выбор человека

Жизнь отдельного человека зависит от последствий свободного выбора

Здесь речь шла об обозначении самого времени, когда происходило, происходит или будет происходить то или иное действие, которое, согласно М. Хайдеггеру, «принадлежит к временению временности» [10].

Следует указать, что в словарях народов мира существует бесчисленное разнообразие понятий, отражающих временность присутствия человека в мире.

В свое время М. М. Бахтин указывал на эмоционально-волевой тон протекания многочисленных значений понятий типа: «раньше и позже, еще и уже, теперь и тогда, всегда и никогда...» [11]. Их бесконечное множество – этих означений временности присутствия человека в мире.

Одно из обозначений времени в высшей степени выражено значениями русского слова «пора».

Пора – это не только указание на период прошедшего, настоящего и будущего трехмерного линейного времени, в рамках которого мы видим историю вселенной, человечества или отдельного человека. *Пора* – это знак о наступлении срока для начала вступления в новый этап развития и бытия. *Пора* – знак, который указывается не только природой или исторически сложившимися сменяющимися друг друга периодами, но это знак, который определяет бытие человека через его *свободный выбор*.

2. Осуществление жизненного пути в сознании мыслителей разных времен

В контексте этой книги я хочу отвести особое место той поре в жизни человека, которое уже обозначено в философии и науке как *свободный выбор* и *осуществление жизненного пути*. Я ввожу понятия *пора свободного выбора* и *пора осуществления жизненного пути*.

Многие авторы рассматривают жизненный путь как период, охватывающий время жизни человека от рождения до смерти, не разделяя тела и духа человеческого существа. В этом есть безусловный традиционно принятый резон, если не разделять биологические, социальные и психологические составляющие. Однако есть и другое мнение – оно формируется в сфере религиозного мышления. К этому вопросу я специально обращусь позже.

Я полагаю, что *жизнь каждого отдельного человека отличается полнотой и интенсивностью ее проживания, а также последствиями свободного его выбора в контексте смысловых ориентиров*. По ходу изложения я буду обсуждать эту позицию.

Анализ исследований, сопряженных с понятиями *время жизни, жизненный путь, смысложизненные ориентиры, смысл жизни, образ жизни*, привел меня к необходимости включить в этот безусловный перечень значимых для понимания феномена человека как личности смыслообразующих понятий природно, исторически, социально и психологически обусловленное слово «*пора*», превратив его в понятие, определяющее внутреннюю позицию самого человека.

Понятие «*пора*» для самого человека должно быть указанием на то, что настает время неукоснительного самоопределения в жизни – выбора жизненного пути, выбора образа жизни и определения для себя смысла жизни.

Притязания на признание побуждают человека повелевать себе: *пора* сделать выбор

Я уже писала о том, что «*пора*» – это системообразующее для самосознания и организации выбора жизненного пути понятие имеет для человека особое значение: «Притязание на признание влияет на характер выбора *жизненного пути* и на соотнесение себя с традиционными ожиданиями, когда социальные ожидания побуждают человека повелевать самому себе: “*пора* сделать выбор”, “*пора* утвердить себя в жизни” (в профессии, в семье, в личных внутренних достижениях» [12]. И далее я писала: «Притязание на признание – одна из основных категорий психологии личности. Мы можем судить о типе личности по тому, какую позицию занимает человек по отношению к месту среди людей, по отношению к пониманию им ожиданий от самого себя в мире, по отношению к избранному жизненному пути, когда социальное “*пора*” станет стимулирующим “*пора*” самого человека по отношению к своим амбициям и пониманию необходимости разумного контроля над ним» [13]. Но не только притязания на признание повелевают «*пора*». Творческие замыслы, погруженность в значимые для личности цели также побуждают человека сказать себе «*пора*».

Как считали многие мыслители, самосознание личности определяет характер *выбора осуществления жизненного пути, образа жизни и смысла самой жизни* [14]. Этот перечень смыслообразующих понятий, значимых для понимания феномена человека, обусловлен чрезвычайно значимым для самосознания и самосозидания смыслообразующих концептом «*пора*».

Честный взыскующий ответ, если не миру, то хотя бы самому себе, позволит человеку лучше понять себя. Именно такое отношение к себе даст основание что-то предпри-

Насущная проблема человека – проблема личной судьбы

нять для своего самосозидания и самостояния. Я уверена, что пробуждение самосознания будет содействовать пониманию того, что настала «пора» созидания своего жизненного пути и самого себя как личности.

Здесь настоятельно напрашивается *проблема судьбы человека*.

Проблема предопределенности жизненного пути, проблема судьбы рассматривалась еще в мифологии народов мира. Судьба выступала как непостижимая сила, складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств, сила, предопределяющая все, что происходит в жизни.

Вера в судьбу диктовалась объективной несвободой человека от общества и природы. Представление о судьбе в значительной степени формировалось в связи с сопряженностью фундаментальных оппозиций как мифологического, так и реалистического сознания: жизнь–смерть, добро–зло, тождественность–противоположность.

История развития представлений о судьбе началась с родовых представлений человека, его обращенности к тотемизму и культу предков. В. М. Карев писал: «В развитых мифологических системах и раннефилософских конструкциях, сохраняющих живую связь с мифом, получает разработку мифологема судьбы как универсального космического начала, стоящего над (или во всяком случае, за) богами и отождествляемого с мировой необходимостью или мировой справедливостью» [15].

О судьбе размышляли древние философы
Диоген о жизни и судьбе

Судьбу отождествляли с необходимостью многие древние философы Индии, Китая, Греции.

Рассуждая о «мудрецах» и философах, Диоген Лаэртский (VI в. н.э.) погружает своего читателя в самую гущу античной жизни. Среди множества присутствующих античной философии понятий он обсуждал такие значимые для жизненного пути человека понятия, как «жизнь» и «судьба».

Рассуждая о *самой жизни*, Диоген указывал на суждение Фалеса, который утверждал, что «между жизнью и смертью нет разницы. – “Почему же ты не умрешь?” – спросили его. “Именно поэтому”, – сказал Фалес» [16]. При этом Диоген ссылаясь на Эпикура, который рекомендовал: «Привыкай думать, что смерть для нас – ничто: ведь все и хорошее, и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущений. Поэтому если держаться правильного знания, что смерть для нас – ничто, то смертность жизни станет для нас отрадна: не оттого, что

к ней прибавится бесконечность времени, а оттого, что от нее отнимется жажда бессмертия. Поэтому ничего нет страшного в жизни тому, кто по-настоящему понял, что нет ничего страшного в не-жизни» [17].

Диоген вспоминал Солона, который определил меру человеческой жизни в семьдесят лет [18].

О судьбе античные философы всегда размышляли с охотой и пристальным вниманием. Так, Гермипп приписывал Фалесу (другие – Сократу): «будто бы он утверждал, что за три вещи благодарен судьбе: во-первых, что он человек, а не животное; во-вторых, что он мужчина, а не женщина; в-третьих, что он эллин, а не варвар» [19].

«Все совершается по судьбе»

Диоген одобрял идею о том, что «Бог, ум, судьба и Зевс – одно и то же» [20], что «Судьба определяет возникновение всего на свете» [21]. Ссылаясь на Гераклита, Диоген утверждал: «*Все совершается по судьбе и слаживается взаимной противоположностью (enantiodromia). Все исполнено душ и демонов*» [22] (курсив мой – В. М.). Эпикур среди своих многочисленных сочинений написал трактат «О судьбе» [23].

Судьбу определяет величайшее из благ – разумение: «Нельзя жить сладко, не живя разумно, хорошо и праведно» [24].

Античная философия, сводка воззрений, разнообразных учений погружают нас в гущу античной жизни и дивят нас образными представлениями о жизни, смерти, судьбе.

Судьба и жизненный путь – проблема, которая поднималась древними мыслителями, начиная от Гомера [25].

Гомер обсуждал в своих гениальных творениях представления о судьбе, которые складывались в сознании древнего народа в контексте мифологического сознания.

О значении стечения обстоятельств

О жизни самой-по-себе, о значении стечения обстоятельств постоянно рассуждал Аристотель [26]. При этом, видя значение обстоятельств, он специально обращался к значению *сознательного выбора*, который делает человек.

Согласно Аристотелю, человек через сознательный выбор стремится к благу [27], «для всякого поступка (praxis) и сознательного выбора» благо это цель [28], «добродетели – это своего рода сознательный выбор (proairesis)» [29]. Аристотель полагал, что вопрос о сознательном выборе тесно «связан с добродетелью», что позволяет судить о нравах [30]. При этом «невоздер-

Русский народ
о судьбе

жанный поступает по влечению, но не по выбору, а воздержанный, напротив, по выбору, но не по влечению <...> дело в том, что сознательный выбор не бывает связан с невозможным, и, если кто-нибудь скажет, что он сознательно избрал невозможное, его, должно быть, примут за глупца. Но желание бывает и невозможного» [31]. В целом, выбор обращен на то, что зависит от самого человека: «мы сознательно выбираем, что из таких (благих или дурных вещей) принять и чего избежать» [32]. Сознательно человек выбирает то, что люди знают как благо. Часть людей «из-за порочности избирают не то, что должно» [34]. Принимают решение, согласно суждениям Аристотеля, о том, что зависит от самого человека и осуществляется в его поступках.

Новые народы, возникая, в иные времена в развитии своего сознания неизбежно повторяют путь предшествующих им в истории народов. Вл. Даль, собирая пословицы русского народа, не мог упустить пословиц, касающихся судьбы человека [34]. Среди большого числа пословиц о судьбе до сих пор живы и прорастают в нашей обыденной речи пословицы: «Кому что на роду написано»; «Чему быть, того не миновать»; «Что будет, то будет, того не минуешь»; «Где беде быть, там ее не миновать»; «Видно так на роду написано»; «Так Богу угодно было»; «От судьбы не уйдешь»; «Судьба придет – по рукам свяжет»; «Кого судьба минует, того и обнесет»; «Кому сгореть, тот не утонет»; «Под счастливой звездой (или: планидой) родился» и др. Судьба соединена с роком. Согласно Вл. Далю, «Рок – уреченое время, пора»; «Против рока не пойдешь»; «Никто от своего рока не уйдет»; «Рок виноватого найдет» [35].

Каждый народ имеет свои пословицы, посвященные судьбе. Представления о судьбе как о predetermined силе, как роке, неминуемой участи мы найдем у любого народа и теперь – в XXI в.

В этой части своего труда, как я полагаю, было бы верным обратиться к тем мыслителям и их последователям, которые размышляли о жизненном пути и смысле жизни человека.

Хронополе –
психологическое
время личности

Проблема жизненного пути личности, его биографических ступеней и возрастных стадий, эволюции личности в реальном пространстве хронополя (или, как это обозначили математики, в пространственно-временном континууме*), ее индивидуального развития и становле-

* В данном контексте термин *континуум* обозначает временную непрерывную бесконечную протяженность во взаимосвязи пространства и времени.

ния нашла широкое отражение в трудах многих философов и исследователей. Я буду говорить, прежде всего, о феномене временной непрерывности индивидуальной жизни или о пространстве хронополя. В индивидуальном сознании (как я уже писала об этом) время может быть линейным, круговым и каким угодно. Человек при этом во внутреннем пространстве своего «Я» может из настоящего переходить в давно прошедшие времена и также легко обращать взор в будущее. Полагаю, что контекст этих пространственно-временных связей будет правомерным обозначать как *хронополе* [36].

Хронополе – психологическое время личности, очерченное хронологией жизненного пути и выходящие за его пределы в сферу Великого идеополя общественно-го сознания.

Жизнь
как *для-себя-сущее*
единство времени
человека

Проблема развития, становления человека в ее философском воплощении как необходимый аспект понимания духа разрабатывалась Г. В. Ф. Гегелем. Он обсуждал как саму жизнь, так и изменения, происходящие в человеке (индивидууме) в естественном возрастном процессе и процессе пробуждения души.

Философ полагал, что «жизнь, будучи *первоначально* обособлением, кончает тем, что представляет собой отрицательное *для-себя-сущее* единство, и смыкается в диалектике своей телесности лишь с самой собой. Таким образом, жизнь существенно есть нечто *живое*, а со стороны своей непосредственности она есть “это” *единичное* живое существо» [37]. При этом Г. В. Ф. Гегель указывал в своем «Прибавлении»: «С точки зрения рассудка жизнь обыкновенно рассматривается как тайна и вообще как нечто *непостижимое*. Рассудок, однако, этим обнаруживает лишь свою конечность и ничтожность» [38]. Эти суждения Г. В. Ф. Гегеля, безусловно, вошли в идеополе общественного сознания и оказывают влияние на умы последующих философов и ученых, занятых движением к истине о сущности самой жизни, жизненного пути и смысла жизни.

Деятельность
человека сохраняет,
развивает
и объективирует его

Г. В. Ф. Гегель считал, что «деятельность уверенного в себе живого существа» приводит к тому, что оно «само себя сохраняет, развивает и объективирует» [39]. Человек приходит к *для-себя-бытию*. При этом человек как «живое существо умирает потому, что оно есть противоречие: в себе оно есть всеобщее, род, и, однако, непосредственно оно существует лишь как единичное. В смерти род показывает себя силой, властвующей над непосредственно единичным» [40]. Я полагаю возможным про-

должить эту мысль. Во временной протяженности род может исчезнуть под влиянием изменяющихся условий, уступая место в протяженности пространства и времени другим родам и видам живых существ. Так что и род представляет собой также нечто единичное в непрерывности пространства и времени. И этот род можно продолжить. В конце концов: все живое смертно. Однако эта позиция не является единственно присущей человеческому мышлению. Но об этом я буду говорить позже.

Изменения, которые происходят с отдельным человеком (индивидуумом)

В то же время Г. В. Ф. Гегель рассматривал изменения, которые происходят с отдельным индивидуумом. В работе «Философия духа» он писал: «В душе, определенной как *индивидуум*, различия выступают как *изменения*, происходящие в этом индивидууме, в этом во всех них пребывающем едином субъекте; они представляют собой *моменты* его развития <...>».

Естественный возрастной процесс

Эти изменения – суть: 1) Естественный *возрастной процесс*, начиная от *ребенка* духа еще не раскрытого, – через развитую противоположность, через напряженность самой по себе еще субъективной всеобщности – каковы идеалы, образы фантазии, долженствование, надежды и т.д. — по отношению к непосредственной единичности, то есть к наличному миру...» [41]. И далее: «Процесс развития природного человеческого индивида распадается на ряд процессов, различие коих основывается на различном отношении индивидуума к роду и обосновывает различие между *ребенком, мужем и стариком*» [42]. Обращаясь к возрастам жизни, Г. В. Ф. Гегель обсуждал ступени развития [43]. Апеллируя к понятиям «развитие», «изменение», «отношение», философ заключал: «Так течение возрастов человеческой жизни завершается в некоторой, определенной понятием тотальности изменений, порожденных процессом взаимодействия рода с единичностью» [44].

Индивидуум может быть противоположен по отношению к самому себе

Обсуждая далее моменты развития, Г. В. Ф. Гегель называл еще: 2) Момент реальной противоположности индивидуума по отношению к самому себе, поскольку он ищет и находит *себя* в *другом* индивидууме <...>.

Пробуждение души

3) Различение индивидуальности как *для-себя-сущей* от себя самой как только сущей, в качестве непосредственного *суждения* есть *пробуждение души...*» [45]. Г. В. Ф. Гегель размышлял о чувствах субъекта, который погружен в «чувство самого себя»: «субъект... остается замкнутым в некоторой *обособленности* самого себя... Осуществленная *самость* рассудочного сознания есть субъект как в себе после-

довательное сознание, упорядочивающее себя и сохраняющее себя соответственно своему индивидуальному положению и связи с внешним миром, который точно также внутренне упорядочен». Он полагал, что «развитое рассудочное сознание есть в то же время природная самость чувства самого себя» [46].

Аспекты
рассмотрения жизни

Г. В. Ф. Гегель рассматривал жизнь как самоцель [47], как привычку [48], как тотальность жизни [49] и смерти [50], как для-себя-бытие самости [51].

Эта же тема повторялась и в других его работах: жизнь как движение самой себя [52], как замкнутая на себя тотальность [53].

Бытие человека рассматривалось Г. В. Ф. Гегелем в – себе [54], для – другого [55], для – себя [56]. При этом для-себя-бытие сопряжено с движением к смерти.

Говоря о значимости и актуальности проблемы жизненного пути личности, одной из центральных концепций которой является категория «развитие личности», следует особо подчеркнуть, что последняя наряду с проблемой структуры самосознания личности, мотивации, психопатологии входит в число основных составляющих теории личности.

Временной параметр
жизненного пути в
художественных
образах
произведений

Временной параметр жизненного пути личности всегда представлен в творчестве мастеров прозы и поэзии, когда образы литературных персонажей показаны в ракурсе их жизненного пути. Контекст жизненного пути героя произведения позволяет достичь глубины и правдивости в раскрытии художником человеческой сущности. Чрезвычайно значимы в этом отношении художественные произведения, биографические, автобиографические, мемуарные и эпистолярные материалы. В этой связи можно вспомнить бесчисленное множество примеров из художественной литературы, из бесконечного богатства дневниковых записей и из мемуаров. Назову для примера работы С. Цвейга, С. Моэма, а также дневники С. Дали, А. Шмемана, Г. Олпорта [57].

Глубина проникновения во внутренний мир человека, в невидимые, интимные пласты человеческой психики дала повод С. Цвейгу считать писателей истинными психологами. По этому поводу Г. Олпорт писал: «На протяжении веков феномен человеческой индивидуальности описывался и изучался гуманитарными науками. Наиболее эстетически настроенные философы и наиболее философски настроенные художники всегда делали это своей специфической областью интересов» [58].

Писатели – гиганты
наблюдения за
человеком

Г. Олпорт считал, что писатели «это гиганты наблюдения и литературы, тогда как в психологии проблема личности разрабатывается маленькими людьми, сущими мухами, которые находят себе защиту в рамках науки и вносят в нее свои мелкие банальности и незначительную ересь» [59].

Далее Г. Олпорт отмечал: «Это правда, что по сравнению с гигантами литературы психологи, занимающиеся изображением и объяснением личности, выглядят как бесплодные и порой немного глупые» [60]. Это мнение Г. Олпорта, однако, не совсем объективно: литература задает индивидуальный образ, а психология ищет общие закономерности.

Литература и
психология в
качестве
конкурентов

В то же время Г. Олпорт отмечал, что «литература и психология являются в некотором смысле конкурентами; они являются двумя методами, имеющими дело с личностью. Метод литературы – это метод искусства; метод психологии – это метод науки» [61]. Г. Олпорт утверждал мысль о необходимости интеграции, конвергенции литературы и психологии, метода искусства и метода научной психологической науки. К этому мнению Г. Олпорт пришел, тщательно проанализировав достоинства и недостатки каждого из подходов, их возможную взаимодополняемость и продуктивность в постижении личности. Он писал: «Личность – это не проблема исключительно для науки или исключительно для искусства, но это проблема и для того, и для другого. Каждый подход имеет свои достоинства, и оба нужны для комплексного изучения богатства личности» [62]. Одно из центральных мест в этом Г. Олпорт уделял *биографическому подходу*: средству психологии и средству литературы.

Изучение
жизненного пути
личности –
необходимое условие
ее постижения

Изучение смысложизненных ориентиров, жизненного пути личности, ее индивидуальной истории, развитие и становление во времени, пространственно-временного параметра жизнедеятельности человека – необходимое условие постижения его сущности, целостного всестороннего и глубокого познания личности в ее социально-типическом и индивидуально-неповторимом воплощении. Являясь одной из ключевых в психологической науке, эта проблема теснейшим образом взаимосвязана с другими заинтересованными науками в человеке, а также с литературой и искусством. В то же время проблема жизненного пути личности является значимой и для антропологии религии. Выделение и рассмотрение узловых, смыслообразующих параметров

и основных подходов этой проблемы значимо как в общепсихологическом плане, так и на уровне понимания жизненного пути уникальной личности.

Г. Олпорт исследовал структуру и развитие личности, развитие чувства Я, личностные диспозиции, а также проблему становления личности [63].

Попытка обозреть психологическую эволюцию личности в реальном протекании времени

К наиболее значимым в сфере понимания жизненного пути следует отнести работы П. Жане и Ш. Бюллер. Эти исследователи сделали попытку обозреть психологическую эволюцию личности в реальном протекании времени. Они попытались соотнести возрастные фазы и биографические ступени жизненного пути: связали биологическое, психологическое и историческое время в единой системе координат эволюции личности [64].

Начало генетической теории личности положил Пьер Жане. Труд П. Жане имел важное методологическое значение для разработки специальных принципов исследования психологической эволюции личности (*психографического и др.*). Считая психические процессы человека результатом *интериоризации* внешних практических действий, П. Жане рассматривал *память* как действие, изобретенное людьми в ходе исторического развития для передачи значимых сообщений и целенаправленного влияния. Эволюция памяти рассматривалась в контексте времени. П. Жане исследовал особенности воспоминаний и амнезии в контексте времени жизни [65]. Обсуждая психологическую эволюцию личности, П. Жане выделял ее телесную, социальную и личностную сущности. При этом специальное внимание он уделял личности во времени, которое определяет функционирование памяти и психические состояния. Все факторы, выделяемые ученым, складываются в ансамбль, который мы называем личностью [66].

Практически одновременно с П. Жане вышел основополагающий труд Ш. Бюллер о человеческой жизни, как психологической проблеме.

Жизненный путь как психологическая проблема

Ш. Бюллер исследовала жизненный путь, как психологическую проблему [67].

Ш. Бюллер, проведя аналогию между процессами жизни и процессами истории, определила жизнь личности как индивидуальную историю. Личная, индивидуальная жизнь в ее динамике была названа *жизненным путем личности*.

С целью проследить жизнь в ее динамике и генетических связях между ее фазами Ш. Бюллер предложила три аспекта такого анализа.

Первый аспект – биолого-биографический – связан с изучением объективных условий жизни, основных событий окружающей среды и поведения человека в этой среде, или исследование объективной логики жизни.

Второй аспект – изучение истории переживаний человека, изучение становления и изменения ценностей, эволюции внутреннего мира человека или изменение внутренних событий, внутренней логики жизни.

Третий – изучение результатов, продуктов деятельности и творчества человека.

Ключевые единицы анализа истории индивидуальной жизни

Можно сказать, что ключевыми единицами анализа истории индивидуальной жизни личности являются *внешние и внутренние события*, то есть объективно свершаемые и переживаемые, а также продукты творчества на разных стадиях жизненного пути. При этом оказалось, что линии внешних внутренних событий тянулись параллельно, не пересекаясь, не обнаруживая связей и никак не связываясь с продуктами деятельности и творчества личности.

Потребность личности в самоосуществлении

Ш. Бюллер считала главной движущей силой развития *потребность личности в самоосуществлении*, которая по-разному проявляется в различные периоды жизни. Она внесла существенный вклад в понимание проблемы развития личности. Так, в 20-е – 30-е годы в венский период ее деятельности с ее именем связаны диагностические исследования уровня психического развития ребенка – «профиль развития». В этот же период в целях периодизации жизненного пути она широко применяла биографический метод. В 40-е годы (американский период творчества) предметом изучения явилась проблематика основных тенденций развития личности, периодизации жизненного пути в русле гуманистической психологии. Идеи Ш. Бюллер о целостном подходе к изучению жизненного пути являются актуальными для психологии личности. Согласно этому подходу, жизнь конкретной личности не случайна, а закономерна. Жизнь человека поддается не только описанию, но и объяснению.

Взаимовлияние прошлого, настоящего и будущего личности

В русле проблемы жизненного пути личности, ее индивидуальной истории, в связи с вопросом о взаимовлиянии *прошлого, настоящего и будущего* следует обратиться к работам К. Левина. К. Левин уже в 40-е годы XX столетия соотношением временных параметров психики связывал с временной перспективой. Он писал о том, что жизненная среда индивида далеко не ограничивается тем, что он рассматривал как настоящую ситуацию. Жизненная ситуация включает прошлое, настоящее, будущее:

«Действия, эмоции и, безусловно, мораль индивида в любом случае зависят от его общей временной перспективы» [68]. Временную перспективу в трактовке К. Левина следует понимать как то, что каждая ситуация в данный момент является производной прошлого и будущего. Факт репрезентации настоящего психологическим прошлым и психологическим будущим обсуждался и в ряде других работ К. Левина [69]. Вместе с тем, он показал взаимосвязь временной перспективы в психологии формирования будущего в зависимости от возраста индивида. Практически над каждым человеком на протяжении истории человечества в религии, политике или науке доминирует временная перспектива, которая отнесена далеко в будущее поколение и которая часто основана на сознании столь же длительного прошлого [70].

Жизненный путь
в системе стадий
человеческой жизни
Э. Эриксона

По существу, Э. Эриксон также рассматривал жизненный путь человека, когда описал и обосновал восемь стадий человеческой жизни [71] или когда описывал жизненный цикл через контекст эпигенеза идентичности [72].

Безусловное
значение дневников
для анализа
жизненного пути
личности

В то же время автобиографические заметки, дневник, размышления представляют собой ценнейший материал рефлексий философа, ученого или писателя на свой жизненный путь.

В арсенале Великого идеополя общественного сознания существует множество бесценных дневников, в которых можно ознакомиться с рефлексиями авторов на собственные события их детства, отрочества, юности и взрослой жизни.

Таковы удивительная исповедь Аврелия Августина [73], исповедь Жан-Жака Руссо [74], автобиография Иоганна Вольфганга Гете [75], лицейские дневники Александра Сергеевича Пушкина [76], дневник Николая Александровича Добролюбова [77], воспоминания Сергея Тимофеевича Аксакова [78], дневники и повесть о детстве, отрочестве и юности Льва Николаевича Толстого [79], рефлексии на себя, самопознание, поиск смысла Николая Александровича Бердяева [80], дневники юной Марии Башкирцевой [81], дневник Корнея Ивановича Чуковского [82]. Реально в нашей общечеловеческой культуре существует множество дневников, на страницах которых содержится бесценный материал, высвечивающий планы, их реализации и их неосуществления в процессе жизненного пути человека. Поучительным анализом этапов является работа К. Г. Юнга «Воспоминания, сновидения, размышления» [83].

Поиск смысла жизни и осуществление планов жизненного пути

Поиск духовности, свободы и ответственности личности есть стремление сформулировать представление о смысле жизни и жизненном пути. В этом отношении весьма значительными являются работы В. Франкла, посвященные смыслу жизни и смерти, любви и страданию, свободе и ответственности [84].

В. Франкл поднял проблему смысла жизни и утраты смысла как общечеловеческий феномен. Он настаивал на том, что «смысл и ценность человеческой личности всегда связана с обществом, в котором она существует» [85]. Неповторимость человеческой личности обнаруживает свой внутренний смысл в сообществе: «Смысл человеческого индивида как личности трансцендирует его собственные границы в направлении к сообществу: именно направленность к сообществу позволяет смыслу индивидуальности превзойти собственные пределы» [86].

Личность зависит от сообщества

В. Франкл вполне обоснованно полагал, что не только личности необходимо сообщество, ибо в нем ее существование обретает смысл, но и сообщество не может обойтись без личностей – и в этом оно обретает смысл. «Существование личности в полной мере обретает смысл лишь в сообществе. Таким образом, в этом смысле ценность человека зависит от сообщества» [87]. При этом неповторимость каждого человека и своеобразие всей его жизни является неотъемлемыми составляющими смысла человеческого бытия. Человеческое существование – особый вид бытия, не сопоставимый с бытием иных существ. Человек – нечто завершенное в себе.

Жизнь должна быть наполнена смыслом

В. Франкл настаивал на том, что *жизнь человека должна быть наполнена смыслом*. Человек обладает свободой и ответственностью: «Бегство “в толпу” – это способ скинуть с себя бремя собственной ответственности» [88]. Согласно видению В. Франкла, тенденции к избеганию бремени ответственности оказываются мотивом для любых форм коллективизма.

Учение В. Франкла направлено на понимание сущности смысла. Человек реализует смысл жизни независимо от объективных обстоятельств, предоставляющих или ограничивающих свободу. При этом человек берет на себя ответственность за свободный выбор.

Ответственность человека

В. Франкл настаивал на том, что человеческая ответственность – «это ответственность, происходящая из неповторимости и своеобразия существования каждого индивида. Бытие человека представляет собой ответственность, вытекающую из конечности его жизни. Эта конечность жизни, ограниченный отрезок времени, отве-

денный человеку здесь, на земле, не лишает его существование смысла. Напротив, как мы уже видели, сама смерть делает жизнь более осмысленной» [89]. Эта позиция формировалась экзистенциальной философией и психологией. В. Франкл в своих суждениях опирался на идеи К. Ясперса, который обсуждал бытие самости и самоопределяющееся бытие.

Жизнь как бытие
в собственном мире

Особый аспект рассмотрения жизни и жизненного пути человека взял на себя К. Ясперс. Он использовал категории «жизнь как бытие в собственном мире» [90], называя бытие в собственном мире одним из первофеноменов жизни. Наличное бытие в собственном мире человека определяет то, что «жизнь преодолевает самое себя, трансцендирует в иные возможные миры и поднимается даже над самим бытием в мире» [91]. К. Ясперс называл это фундаментальной взаимосвязью между внутренним миром и окружающим миром. При этом помимо объективного мира – общего для всех – каждый человек имеет «собственный (приватный) мир» [92].

Собственный мир возвышается до «бытия самости» [93]. «В человеке, наделенном духовностью и свободой, всегда присутствуют признаки незаменимого бытия самости» [94].

Проблема
незавершенности
человека

Анализируя вопрос о сущности человека, К. Ясперс пришел к пониманию необходимости обсуждения незавершенности человека. Он настаивал на том, что сущности человека в бесконечной потенциальности: «Потенциально человек может все; поэтому человеческая природа неопределима» [95]. Будучи отнесен к какой-либо категории, человек утрачивает свою исконную целостность. В глубинах природы человека сохраняются его возможности, причем эти возможности принадлежат не столько отдельному человеку, сколько человеку как некой генетически детерминированной сущности [96]. Феномен человека состоит в том, что он *планирует* свое будущее, создает себя, осуществляет решающий *выбор*, осознает конечность своей природы и, следовательно, «принципиальную незавершенность своего бытия и всех своих проявлений» [97].

Понятие «пора»
должно быть
укреплено
в самосознании
каждого из людей

Незавершенность человеческого бытия, конечность жизненного пути в этом мире требуют обращения к озабочению временем – к обозначению необходимости сказать себе: «*Пора!*»

Как оказалось, в научных источниках в контексте обсуждения жизненного пути, свободного планирования будущего, проблем выбора и других значимых для

понимания человеческого бытия в мире категорий, понятие «пора» еще не нашло должного места в самосознании каждого из людей. Лишь в обыденной повседневной жизни, лишь в дневниках и литературных произведениях человечество использует это слово чаще для обозначения наступившего времени, но весьма редко для указания необходимости совершения волевого усилия по направлению к новым достижениям в чем бы то ни было.

Между тем о жизненном пути и о свободном выборе целей философы, психологи, психиатры рассуждали весьма ответственно.

Смыслы и проекции
жизненного пути

К числу значимых источников, позволяющих узреть ведущие смыслы и проекции жизненного пути, можно отнести письма З. Фрейда и его автобиографию [98].

Реально работ, предполагающих обращение к жизненному пути личности, бесчисленное множество – и все они отражают стремление осмыслить свой индивидуальный жизненный путь или стремление сформулировать свое видение смысла жизни и связанного с этим видение жизненного пути человека.

Методологически значимые постулаты, сформулированные в первой половине XX столетия, определили теоретические позиции нового поколения ученых, следовавших за корифеями.

Жизненный путь в
представлении
Евгения Трубецкого

Необходимо отдать должное размышлениям князя Евгения Николаевича Трубецкого, который в начале XX столетия обсуждал жизненный путь и смысл жизни человека, исходя из постулатов в контексте принятых для него значимых ориентиров.

Подходя к обсуждению вопроса о смысле жизни, Е. Н. Трубецкой считал, что прежде всего следует указать, что мы разумеем под «смыслом»: «Спрашивать о смысле – значит задаваться вопросом о *безусловном значении* чего-либо, то есть о таком мысленном значении, которое не зависит от чьего-либо субъективного усмотрения, от произвола какой-либо индивидуальной мысли <...> речь идет не о том, что значит данное слово или переживание для меня или для кого-либо другого, а о том, что оно *должно* значить для всех» [99]. Такое понимание смысла адресует нас к опыту жизни людей как результату их реального взаимодействия. Под «смыслом» философ подразумевал общезначимую мысль. Обсудив вопрос о смысле вообще, он предпринял попытку ответить на вопрос о *смысле жизни и о жизненном пути*.

Смыслы
и бессмыслица
жизни

Философ исследовал мировую бессмыслицу и мировой смысл, поднимая вопрос «о смысле существования вообще и человеческой жизни в частности» [100]. Он рассуждал о том, что все возможное и действительное имеет свое безусловное «что» в истине, или в безусловной мысли. Но за этим «что» стоит и безусловное «для чего».

Е. Н. Трубецкой полагал: «С тех пор, как человек начал размышлять о жизни, – *жизнь бессмысленная всегда представлялась ему в виде замкнутого в себе порочного круга*. Это – стремление, не достигающее цели, а потому роковым образом возвращающееся к своей исходной точке и без конца повторяющееся» [101]. Автор утверждал, что «круговращение это не есть что-то только воображаемое нами. Ад таится уже в той действительности, которую мы видим и наблюдаем; чуткие души в самой нашей повседневной жизни распознают его в его несомненных явлениях» [102]. И далее: «Заслуживает ли названия жизни это бессмысленное чередование рождений и смертей, эта однообразная смена умирающих поколений? Самая целесообразность устройства живых организмов, сообщающая ему видимость разумности, на самом деле только подчеркивает суетность их существования в его целом, потому что вся эта целесообразность рассчитана на ту единую и единственную цель, которая никогда не достигается, – *цель сохранения жизни*. Умирает каждый живой индивид, а жизнь рода слагается из бесконечной серии смертей» [103]. Эти трезвые мысли навели философу понимание всей глубины человеческой тоски о тщете человеческого существования.

Жизнь, похожая
на нескончаемое
вращение белки

Философ указывал на конкретного «мальчика при лифте», жизнь которого как и «жизнь всех людей вообще оскорбительно похожа на нескончаемое вращение белки в колесе» <...> «Этот мальчик... хочет быть *человеком с индивидуальным именем, существом, единственным в своем роде*», а жизнь сделала его «безличным номером» [104].

Е. Н. Трубецкой различал *настоящую*, подлинную жизнь и жизнь, как добывание *средств к жизни*. При этом «большинство людей настолько поглощено этой заботой о *средствах*, что им некогда даже подумать о целях» [105]. Это обстоятельство подвело философа к рассуждению о рабстве духа: «Биологический круг, биологический закон траты и обновления, – вот что приводит в движение весь механизм человеческой жизни, вот ради чего вращаются эти бесчисленные

Рабство духа,
подчинение воли,
мысли и чувства

Противоречия
между жаждой
смысла жизни
и силой
бессмыслицы

Над человеком
довлеет государство

колеса, а в них – сам развенчанный царь-человек со своими помыслами, желаниями, надеждами.

Нас возмущает это *рабство духа*, это подчинение воли, мысли и чувства роковой необходимости биологического закона» [106]. Именно законы биологической необходимости требуют того, что «в замкнутом биологическом круге существования всякая жизнь поддерживается за счет других жизней, всякое торжество одного возвещает смерть другого и связывается с лозунгом – “горе побежденным”. Не только жизнь низших тварей, бесчисленные человеческие жизни гибнут жертвой беспощадного закона “войны всех против всех”, царящего в мире» [107].

Е. Н. Трубецкой указывал на «одну из самых мучительных коллизий между присущей человеку жаждой смысла жизни и преодолевающей силой царящей в мире бессмыслицы. Вера в смысл жизни неразрывно связана с верой человека, как носителя этого смысла, в безусловное, царственное достоинство человека. И вот мы видим, что *коллективная, государственная жизнь человека складывается так, что в ней для этого безусловного достоинства не остается места*» [108]. Е. Н. Трубецкой разъясняет свое суждение: с одной стороны – властный призыв любви ко всякому человеку как таковому, а с другой стороны – все народы вооружены с головы до ног для взаимного истребления. С одной стороны – попытка человека прорвать порочный круг всеобщей борьбы за существование, взлететь над землей в светлом подъеме любви, а с другой стороны – бессилие этой попытки. Над человеком довлеет «государство с его периодически повторяющимся и периодически торжествующим лозунгом – *все для войны*» [109].

Весьма пессимистически и экзистенциально философ резюмирует: «В государстве протекает вся человеческая жизнь и от государства человеку уйти некуда» [110].

В рассуждении Е. Н. Трубецкого есть безусловно верное указание на условия, которые могут обеспечить откровение смысла человеческой жизни: «Представим себе, что человек со своей “культурой” целиком и без остатка стал колесом огромного механизма, рассчитанного на войну как на высшую и окончательную цель: это будет значить, что *человека больше нет в мире*, что сама память о нем исчезла, ибо затерялось единственно ценное его отличие от низшей твари. Это отличие и эта ценность – то откровение смысла жизни, коего мир в праве ждать от одухотворенного человеческого созна-

ния и от просветленной человеческой воли. И вот оказывается, что этого откровения нет и не будет! Пришел человек в мир, и мир остался таким же, каким он был в дочеловеческую эпоху, – хаосом сил, борющихся за жизнь и в этой борьбе сеющих смерть! Вместо того, чтобы преодолеть дурную бесконечность всеобщей кровавой борьбы за существование, он изрек ей свое “аминь” и усовершенствовал ее механизм. И на это ушли все его духовные силы. Война оказалась окончательной целью всего человеческого прогресса, высшим содержанием человеческой культуры...

Культура – орудие хищной жизни

В наши дни обнажения мировой бессмыслицы “культура” оказалась не то обманчивой прикрасой, не то орудием злой, хищной жизни. Мы, в конце концов, не знаем, служит ли она очеловечиванию или озверению; а поэтому вопрос – быть или не быть человеку, ставится перед нами ребром. Ведь сама мысль о человеке связана с представлением о новом, сверхбиологическом начале, которое он несет в мир, – с мечтой о преодолении закона кровавой борьбы за существование, хотя бы в отношениях между людьми» [111]. Мировая бессмыслица, жизненная суэта требуют от человека поиска смысла своей жизни. Е. Н. Трубецкой искал пути победы вечного смысла над бессмыслицей. Он писал: «Мир бессмыслен; *но я это сознаю*, и постольку мое сознание свободно от этой бессмыслицы. Вся суэта этого бесконечного круговращения пронесится предо мною; но, поскольку я сознаю эту суету, я в ней не участвую, мое сознание противопоставляется ей как *что-то другое*, от нее отличное. Сознательный суету, *как сознающий*, стоит вне порочного круга» [112]. Автор писал о всеедином и безусловном сознании: «Только через подъем к этому безусловному всеединому сознанию, в котором содержится *смысл*, – *истина* всего, что есть, я спасаюсь от моей лжи, от моих заблуждений, от хаотической бессмыслицы моих представлений» [113].

Е. Н. Трубецкой погорячился, предполагая безусловное и всеединое сознание

Полагаю, что мыслитель погорячился, предполагая «безусловное и всеединое сознание». Считаю более правильным мыслить о Великом поле общественного сознания, в котором многообразно представлены достижения человечества в познании, но которое, не обеспечивая безусловное единое сознание, может предоставить возможность человеку войти в его пределы и пытаться искать ответы на те вопросы, которые его донимают [114]. Полагаю, что знаковое «пора» должно помочь человеку самоопределиваться в пространстве отведенного им самому себе хронополя.

Проблема смысла и бессмыслицы жизни остается актуальной

Смысл жизни в представлении Эриха Фромма

Проблема свободы и одиночества личности

Возвращаясь к идеям Е. Н. Трубецкого относительно реалий жизни человека, считаю важным еще раз указать на акцент смысла и бессмыслицы жизни.

В начале XX столетия Е. Н. Трубецкой предрекал всемирную катастрофу, катастрофу современной культуры и искал смысл жизни. Спустя столетие *остается актуальной проблема всемирной катастрофы и проблема смысла жизни.*

Идея смысла жизни и жизненного пути личности начала активно обсуждаться мыслителями XX столетия.

Во многих своих трудах смысл жизни в контексте жизненного пути человека специально обсуждал Эрих Фромм. Он считал, что в отличие от человека с рыночным характером Новый Человек в числе ряда значимых для личности качеств будет осознавать тот факт, «что никто и ничто вне нас самих не может придавать смысл нашей жизни» [115].

Согласно видению Э. Фромма, смысл жизни – *быть, любить, чувствовать единение с миром* [116]. При этом он объяснял страх смерти как утверждение жизни.

Сама жизнь как «бытие существует здесь и сейчас» [117]. «Здесь и сейчас» было отнесено Э. Фроммом ко всем временам, обозначающим жизненный путь человека – к прошлому, настоящему, будущему: «Понятия прошлого, настоящего и будущего, то есть времени, вошли в нашу жизнь потому, что они тесно связаны с нашим физическим существованием: ограниченной продолжительностью нашей жизни, необходимостью постоянно заботиться о своем организме, природе физического мира, из которого мы черпаем все, что нужно для поддержания жизни. Ведь жить вечно невозможно; смертным не дано игнорировать время или быть неподвластным ему. Ритмическая смена дня и ночи, сна и бодрствования, роста и старения, потребность поддерживать себя работой и защищать себя – все эти факторы заставляют нас *считаться* со временем, если мы хотим жить, а наш организм заставляет нас хотеть жить. Но одно дело *считаться* со временем, и совсем другое – *подчиняться* ему» [118].

В другой своей работе Э. Фромм рассматривал проблему свободы личности через социально-психологические механизмы. Анализируя феномен смысла жизни человека как зависимый от ценностей эпохи, к которой принадлежало его поколение, Э. Фромм указывал на зависимость смыслов от этих ценностей. Он считал, что ценность власти, богатства, славы искажают обретения

подлинного смысла жизни: «Если смысл жизни стал сомнителен, если отношения с другими и с самим собой не дают уверенности, то слова становятся одним из средств, способных избавить человека от сомнений. Она приобретает примерно ту же функцию, что египетские пирамиды или христианская вера в бессмертие: она выводит индивидуальную жизнь из физических границ, возносит ее на уровень неразрушимости. Если имя человека известно современникам и он может надеяться, что так оно и будет и впредь, его жизнь приобретает смысл и значение уже благодаря ее отражению в сознании других» [119]. Однако такое решение проблемы смысла жизни и обретения уверенности доступно лишь той социальной группе, члены которой обладают реальной возможностью достижения известности, славы. Масса людей не имела, не имеет и не будет иметь таких возможностей. Э. Фромм начал свое исследование с эпохи Возрождения. Он рассматривал сущностные особенности разных эпох в контексте их социальных ценностей: от экономических интересов (от накопления богатства) до спасения души. Э. Фромм показал, как смещенные ценности провоцируют жадность, возмущение и злобу [120]. Он показал те причины, которые, по его мнению, создают условия, когда в обществе индивид становится «одиноким» [121].

Жизненный путь человека определяют условия и предпосылки его развития, а также внутренняя позиция, его самосознание.

Проблема жизненного пути личности, ее индивидуальной истории, органически взаимосвязанной с историей общества, – одна из центральных в отечественной психологии.

Основополагающим исследованием в области жизненного пути личности в отечественной психологии явились работы С. Л. Рубинштейна, который отвел проблеме жизненного пути личности специальное место в своих исследованиях.

В свое время С. Л. Рубинштейн справедливо писал: «Всякий человек имеет свою историю потому, что в известной мере развитие личности опосредовано результатами ее деятельности, аналогично тому как развитие человечества опосредуется продуктами общественной практики, посредством которых устанавливается историческая преемственность поколений <...> Линия, ведущая от того, чем был человек на одном этапе своей истории, к тому, чем он стал на следующем,

Развитие личности
опосредовано
ее деятельностью

проходит через то, что он сделал. В деятельности человека, в его делах, практических и теоретических, психическое, духовное развитие человека не только проявляется, но и совершается.

В этом ключ к пониманию развития личности – того, как она формируется, совершая свой жизненный путь» [122].

Наряду с положениями о необходимости представлять жизненный путь как целое, С. Л. Рубинштейн высказал мысль о поворотных этапах в жизни человека. Он выдвинул понятие субъекта жизни, поднял вопрос о личности как организующем начале своей жизни, ее ответственности и самосознании.

Поворотные этапы жизни личности

О поворотных этапах в жизни человека С. Л. Рубинштейн писал, что «в ходе индивидуальной истории бывают и свои события – узловые моменты и поворотные этапы жизни индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период, определяется дальнейший жизненный путь человека. Личность – это конкретный, исторический, живой индивид, включенный в реальные отношения к реальному миру» [123]. Я полагаю, что при этом реальные отношения могут протекать как в контексте временной непрерывности – в хронополе индивидуального времени жизни, так и в контексте временной прерывности – в хронополе прерывности индивидуального времени жизни. Непрерывность и прерывность психологического времени жизни кардинальным образом меняет как жизненный путь, так и смысл жизни человека.

Развитие личности неотделимо от формирования ее сознания и самосознания

Предложенная С. Л. Рубинштейном концепция субъекта предполагала *активность* самого человека в построении и преобразовании жизни. Согласно С. Л. Рубинштейну, процесс развития личности неотделим от формирования ее сознания и самосознания: «Человек является личностью, лишь поскольку он выделяет себя из природы, и отношение его к природе и к другим людям дано ему как отношение, то есть поскольку у него есть сознание. Процесс становления человеческой личности включает в себя поэтому как неотъемлемый компонент формирование его сознания и самосознания: это есть процесс развития сознательной личности <...> Поэтому последний, завершающий вопрос, который встает перед нами в плане психологического изучения личности, – это вопрос о ее *самосознании*, о личности, как “я”, которое в качестве субъекта сознательно присваивает себе все, что делает человек,

относит к себе все исходящие от него дела и поступки и сознательно принимает на себя за них ответственность в качестве их автора и творца <...> При этом развитие у личности самосознания совершается в самом процессе становления и развития реальной самостоятельности индивида как реального субъекта деятельности. Самосознание не надстраивается внешне над личностью, а включается в нее; самосознание не имеет поэтому самостоятельного пути развития, отдельного от развития личности, в нем отражающегося, а включается в этот процесс развития личности как реального субъекта в качестве его момента, стороны, компонента <...> Подлинный источник и движущие силы развития самосознания нужно искать в растущей реальной самостоятельности индивида, выражающейся в изменении его взаимоотношений с окружающими.

Самосознание возникает в ходе развития сознания личности

Не сознание рождается из самосознания, из “я”, а самосознание возникает в ходе развития сознания личности, по мере того как она реально становится самостоятельным субъектом. Прежде чем стать субъектом практической и теоретической деятельности, “я” само формируется в ней. Реальная, не мистифицированная история самосознания неразрывно связана с реальным развитием личности и основными событиями ее жизненного пути» [124].

С. Л. Рубинштейн разработал подход к личности как к субъекту жизни. В его концепции рассматривается не только зависимость личности от жизни, но и зависимость жизни от деятельности личности и от отношений личности к своему жизненному пути. Он писал: «Личность в ее реальном бытии, в ее самосознании есть то, что человек, осознавая себя как субъекта, называет своим “я”. “Я” – это личность в целом, в единстве всех сторон ее бытия, отраженная в ее самосознании» [125].

Направленность личности как совокупность сознательных жизненных устремлений

С. Л. Рубинштейн разработал понятие «*направленность личности*» как совокупность сознательных жизненных устремлений и способов их выражения. Из этого следует, что масштаб развития и совершенствования личности является ее жизненный путь.

С. Л. Рубинштейн пришел к выводу, что жизненный путь нельзя понимать только как сумму жизненных событий, отдельных действий, продуктов творчества. Его необходимо представить как целое, хотя в каждый момент человек включен в отдельные ситуации, связан с разными людьми и т.д. [126]. Для раскрытия целостности, непрерывности жизненного пути С. Л. Рубинштейн

Жизненный опыт открывает новые стороны бытия и побуждает к переосмыслению жизни

Личность – субъект жизни

Существует зависимость жизни от личности

предложил не просто выделить его отдельные этапы (например, возрастные), но и выяснить, как каждый этап подготавливает и влияет на следующий. С. Л. Рубинштейн считал, что каждый этап жизни играет важную роль в жизненном пути личности, но не предопределяет его с роковой неизбежностью.

Особое значение С. Л. Рубинштейн придавал тому, что в ходе развития, «по мере того как человек приобретает жизненный опыт, перед ним не только открываются все новые стороны бытия, но и происходит более или менее глубокое *переосмысление жизни*» [127]. С. Л. Рубинштейн специально подчеркивал, что *этот процесс переосмысления, проходящий через всю жизнь человека*, образует самое сокровенное и основное содержание его внутреннего существа, определяющее мотивы его действий и внутренний смысл задач, которые он разрешает в жизни. Некоторые люди обретают при этом способность осмыслить жизнь в большом плане и распознать в ней то, что подлинно значимо.

С. Л. Рубинштейн разрабатывал свою концепцию *понимания личности как субъекта жизни*. Способность личности строить свои отношения с миром, выбирать жизненную позицию, избирательно, индивидуально действовать в соответствии с высшими жизненными ценностями и системой мотивов. Чтобы понять путь своего развития в его подлинной человеческой сущности, «человек должен его рассматривать в определенном аспекте: *чем я был? – что я сделал? – чем я стал?* – так ставится вопрос. Было бы неправильно думать, что в своих делах, в продуктах своей деятельности, своего труда личность лишь выявляется, будучи до и помимо них уже готовой и оставаясь после них тем же, чем она была. Человек, сделавший что-нибудь значительное, становится в известном смысле другим человеком» [128]. При этом С. Л. Рубинштейн помышлял лишь о позитивном развитии человека или о нереализовавшихся возможностях и потенциальности человека в реальной жизни. Однако я считаю правильным продолжить эту мысль С. Л. Рубинштейна: человек, совершивший что-нибудь низменное, ужасное, становится также другим человеком. *Ничто не проходит для человека бесследно.*

Согласно С. Л. Рубинштейну, личность в качестве субъекта организует и структурирует свою жизнь, регулирует ее ход, выбирает и осуществляет избранное направление. Жизнь не задана человеку изначально, как директива. То, что действительность, обстоятельства жизни, усло-

вия, ситуации, в которых оказывается человек, предъявляют к нему свои требования, ставят ограничения, не означает, что он не может предъявить своих требований к жизни. С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что *существует не только зависимость личности от жизни, но и зависимость жизни от личности*. Человек организует свою жизнь, регулирует ее ход и осуществляет избранное направление. Высшие личностные образования – сознание, активность и т.д. выполняют функции организации, регуляции, обеспечения жизненного пути, субъектом которого человек становится по мере своего развития.

Подлинная жизнь
строится самим
человеком

Согласно С. Л. Рубинштейну, только та жизнь подлинная, которая осуществляется, строится самим человеком.

Ученики С. Л. Рубинштейна также связывали структурирование жизни с активностью самого субъекта. Различия жизненных стилей людей выступают не только как индивидуальные варианты типичных этапов жизни, но и как различия субъектов в качестве, способе и уровне организации жизнедеятельности. Ход жизни, ее события сопоставляются с личностными особенностями человека, его способностью направлять и ускорять события своей жизни.

Основополагающие принципы проблемы жизненного пути личности, представленные С. Л. Рубинштейном, разрабатывались К. А. Абульхановой-Славской и ее сотрудниками. Ключевые аспекты позиции К. А. Абульхановой-Славской: 1 — личная жизнь как проблема; 2 — жизненный путь личности; 3 — особенности жизненного пути.

К. А. Абульханова-Славская исследовала индивидуальную жизнь, диалектику индивидуального и общественного, субъективного и объективного, природного и общественного. Анализируя некоторые особенности личности и структуру жизнедеятельности, она писала о «самоопределении» индивидуального сознания по отношению к общественному сознанию. Позднее К. А. Абульханова-Славская перешла к изучению стратегии жизни.

К. А. Абульханова-Славская искала ключевые вопросы стратегии жизни: «Может ли человек построить собственную жизнь изначально по плану, замыслу; может ли он на каком-то этапе действительно круто ее изменить, как часто он обещает себе начать «жить заново»? Нужно ли специально вырабатывать идеи, принципы, в которых воплотился бы смысл того самого главного и сокровенного, к чему стремится, чего желает достигнуть человек?» [129]. Вслед за многими предшественниками она ставила проблему личной жизни не

как альтернативу общественной, а как их взаимовключенность, гармонию и целостность.

К. А. Абульханова-Славская, разделяя взгляды с С. Л. Рубинштейном, писала о том, что целостность жизни личности является предпосылкой ее активности, ее инициативности, ее индивидуальных проявлений, которые невозможны при внутренней раздвоенности. Активность является условием определения, выработки и реализации жизненной стратегии личности [130].

Для личности важен выбираемый ею способ решения проблемных ситуаций

Для характеристики личности как субъекта жизни чрезвычайно важен выбираемый ею способ разрешения противоречий. Неспособность решать жизненные проблемы и противоречия может проявляться в избегании решения проблем, когда человек хочет уклониться от трудностей. Одной из форм ухода является также возложение ответственности на других, отсутствие личной активности и инициативы. Неспособность решать жизненные проблемы и противоречия может проявляться и в нарушении традиционных, принятых человечеством способов решения проблемных ситуаций. Однако сами нарушения являются прежде всего традиционными способами выхода за пределы принятого и дозволенного.

Противоречия, связанные с изменением (потерей, удержанием, переосмыслением) жизненной позиции, наиболее трудны для личности.

Для личности важно мочь разрешать противоречия

Жизненная позиция может меняться или оставаться неизменной в зависимости от характера и способа решения противоречий, конфликтных ситуаций. Разрешение противоречий вызывает у человека удовлетворение, найденное решение помогает найти силы для построения новой жизненной стратегии. Однако следует не забывать, что человек может разрешать жизненные противоречия самыми разнообразными способами и выбирать самые разные пути в изменяющихся обстоятельствах жизни.

Способы решения жизненных противоречий характеризуют зрелость личности

Способы решения жизненных противоречий характеризуют социально-психологическую и личностную зрелость человека. Жизненная стратегия, безусловно, состоит в постоянном приведении в соответствие особенностей своей личности, своего характера и способа своей жизни. Жизненная стратегия определяется ценностями личности. Критерием движения личности служит наличие смысла жизни, который отражает жизненные цели человека.

Смысл жизни по отношению к жизненным потребностям

Можно определить смысл жизни по отношению к жизненным потребностям, среди многообразия которых можно выделить: потребность в самореализации, самовыражении, проявлении своего «Я»; потребность в понима-

нии, признании со стороны других людей; потребность в деятельности, труде, то есть в том, что составляет содержание обыденной жизни человека.

Человек в своей жизни определенным образом соподчиняет эти и другие потребности, выявляет свои способы и меру их удовлетворения, создавая смысл своей жизни и стремясь избежать ее бессмыслицы.

Смысл жизни – это психологический способ переживания жизни

Смысл жизни – это психологический способ переживания жизни в процессе ее осуществления. Смысл жизни – это не только будущее, жизненная цель, но и постоянное ее осуществление. Поэтому, достигая конкретных целей в жизни, человек не утрачивает смысл, а напротив, только усиливает его, убеждается в нем, переживает его. Это мера достигнутого человеком, оценка достигнутого своими силами по существенным для личности критериям. Важнейшим подкреплением смысла жизни являются либо полученные блага, либо общее чувство удовлетворения тем, как он строит свою жизнь.

Смысл жизни связан с ответственностью человека за свою жизнь, за ее осуществление. Ответственность возникает при осознании того, что ход жизни человека зависит от него самого.

«Пора» как смыслообразующее понятие

Контекст жизненного пути требует выделения проблемы временной или жизненной перспективы личности. «*Пора*» как смыслообразующее понятие определяет активность человека в социальном пространстве.

На жизненный путь личности существенно влияет *выбор* социальноориентированного или асоциальноориентированного пути самоопределения. Характер самоопределения личности, способ включения в деятельность определяют не только характер совершенствования (или характер регресса) в деятельности, но и жизненную перспективу личности.

Жизненные позиции личности

Жизненные перспективы личности определяются типом жизненной позиции, взаимоотношениями в ближайшем референтном окружении, и вообще – особенностями ценностных ориентаций. Способ и качество реализации личности во всех ситуациях жизни определяют жизненную перспективу.

Жизненные перспективы личности определяются способами самоопределения, которые зависят от социально-психологической зрелости, активности личности и ее ценностных ориентаций.

Проблемы жизненного пути личности

Проблема жизненного пути личности занимала одно из центральных мест и в исследованиях Б. Г. Аняева. Автор специально исследовал жизненный путь

человека [131]. Жизненный путь личности Б. Г. Ананьев рассматривал в неразрывном единстве с индивидуальным развитием человека, его онтогенезом, центральным, узловым вопросом которого, является неравномерность изменений и гетерохронность развития. Б. Г. Ананьев утверждал: «*Жизненный путь человека – это история формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения. Вместе с тем фазы жизненного пути датируются историческими событиями, сменой способов воспитания, изменениями образа жизни и системы отношений, суммой ценностей и жизненной программой, – целями и смыслом жизни, которыми данная личность владеет. Фазы жизненного пути накладываются на возрастные стадии онтогенеза, причем в такой степени, что в настоящее время некоторые возрастные стадии обозначаются именно как фазы жизненного пути, например, дошкольное, дошкольное и школьное детство. Практически ступени общественного воспитания, образования и обучения, составляющие совокупность подготовительных фаз жизненного пути, формирования личности стали определяющими характеристиками периодов роста и созревания индивида*» [132].

Значение выбора профессии

Поддерживая понимание автором значения ступеней общественного образования, я бы посчитала правоммерным не упустить из вида ступени выбора профессии и включение в профессиональную деятельность. По существу, эти ступени есть социально опосредованный надзор за движением человека во времени его жизни, есть подспудно существующий в пространстве временного континуума социально и личностно значимый знак, который мы постоянно используем в обыденной жизни: это многоемкое «*пора*».

От воспитания к самовоспитанию

Б. Г. Ананьев апеллировал и к особенностям самосознания человека и его способности самовоспитания. Он писал: «*Постепенный переход от воспитания к самовоспитанию, от объекта воспитания к положению субъекта воспитания проявляется во многих феноменах умственной и моральной активности человека (курсив мой – В. М.)*» [133].

Сравнительный анализ биографий, биографических дат и событий обнаруживает сложное переплетение биологического и исторического времени в хронологическом возрасте человека: «*В определенных ситуациях развития хронологический возраст функционирует как один из социальных регуляторов*» [134].

Взаимодействие условий развития, предпосылок и внутренней позиции личности

В связи с временной характеристикой жизнедеятельности человека, наряду с этапами жизненного пути, в концепции Б. Г. Ананьева представлены такие аспекты, как «жизненный план», «старт», «кульминация» [135].

Эти положения вполне правомерно отражают объективно происходящие в обыденной жизни человека связи и зависимости, но они не являются абсолют. Реально условия развития, предпосылки и внутренняя позиция самого человека глубинно взаимодействуют друг с другом и определяют смысл жизни и жизненный путь личности [136].

Значение активности самого субъекта

Как и все современные ему исследователи жизненного пути личности, Б. Г. Ананьев полагал, что непременным условием становления личности в ходе ее индивидуальной истории, в процессе жизненного пути на всех этапах и различных фазах является *активность самого субъекта* жизнедеятельности. Он писал: «Создание и изменение обстоятельств современной жизни собственным поведением и трудом, образование собственной среды развития посредством общественных связей... – все это проявления социальной активности человека в его собственной жизни.

Фазовый характер развития социальной активности проявляется в смене состояний основной (творческой, профессиональной) деятельности и может быть более или менее точно определен хронологически-биографическим методом. Каждая из этих фаз: подготовительная, старт, кульминация (“пик”), финиш – характеризует структурное изменение субъекта деятельности» [137]. Б. Г. Ананьев в своем видении формирования личности стремился интегрировать природные, возрастные и социально-психологические изменения. Он вполне правомерно рассматривал связь биографических и онтогенетических аспектов жизненного пути. При этом он взял за основную единицу анализа жизненного пути возраст человека. Я полагаю, что такой подход не всегда продуктивен: отдельные события или скачок в изменении внутренней позиции могут кардинальным образом повлиять на жизненный путь и смысл жизни человека.

Временное измерение жизненного пути

В концепции Б. Г. Ананьева *историческое, биографическое и иное измерение жизненного пути личности предстают как его временное измерение.*

Разработка проблемы жизненного пути человека вырастает у Б. Г. Ананьева в труд, который должен был раскрыть проблему жизненного пути человека. Ученый настаивал на том, что *жизненный путь человека* – это

история формирования и развития личности в определенном обществе.

Некоторые положения Б. Г. Ананьева о жизненном пути личности получили свое продолжение в последующих исследованиях [138]. А. А. Бодалев, В. Т. Ганжин, А. А. Деркач указывали на то, что Б. Г. Ананьев исходил из того, что при изучении человека необходимо учитывать весь комплекс условий его существования: поскольку поведение человека определяется условиями его прошлой жизни, значимыми для него обстоятельствами, а также наследственностью и врожденными особенностями [139].

Хотя два подхода к проблеме жизненного пути и смысла жизни, намеченных С. Л. Рубинштейном и Б. Г. Ананьевым, разрабатывались самостоятельно каждым ученым и строились на несколько различающихся основаниях, по существу эти различия весьма условны.

Значимость
сознательных связей
личности
с различными
сторонами
объективной
действительности

В отечественной психологии были и другие исследования, в которых проблема жизненного пути личности рассматривалась как значимая в контексте психологии личности. В концепции психологии отношений В. Н. Мясищева истории развития человека уделялось первостепенное внимание. Определив психологические отношения человека в развитом виде как «целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности», В. Н. Мясищев совершенно справедливо подчеркивал: «Эта система вытекает из всей истории развития человека, она выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, его переживания» [140]. Особого внимания заслуживает подход В. Н. Мясищева к изучению личности посредством обращения к *ее* прошлому, обозначение *значимости анамнестического метода исследования*.

В. Н. Мясищев сформулировал *причины эффективного анамнестического исследования*. Он писал: «При исследовании прошлого недостаточности знания одних только фактов поведения или одних только условий, но каждый пункт анамнеза должен учитывать условия прошлого и сопутствующие ему реакции личности <...> Факты прошлого должны рассматриваться не порознь, не как раздробленный перечень или механический конгломерат, но в системе их взаимной связи, их функциональных и временных соотношений» [141]. Предложенная В. Н. Мясищевым система анализа прошлого является продуктивным методологическим средством понимания личности в ее прошлом и настоя-

Исследование личности в контексте времени и пространства

щем. Он имел основание писать: «Сведения о прошлом личности вырисовывают нам ее характер» [142].

Особое значение для моего исследования имеет позиция относительно развития личности в контексте времени и пространства. В моем видении пространственно-временные характеристики неотделимы от «жизненного пути личности» [143]. Здесь будет уместным обратиться к работе Э. В. Сайко, посвященной анализу субъекта как особого феномена, сущностные характеристики которого закладываются в истории человеческого рода и раскрываются в отдельном человеке. Субъект рассматривается как всеобщее явление социальной истории и как конкретное проявление самого субъекта. Автор рассматривает субъективность субъекта в культурно-историческом процессе и в онтогенезе [144].

О судьбе человека и его жизненном пути размышлял Л. Н. Коган. Он анализировал общественную и личную жизнь человека, его жизненный опыт и жизненный путь, его жизненные планы и программы [145]. Поиск смысла жизни исследовал также В. Н. Никитин, анализируя этот феномен через метод историсофского исследования [146].

В отечественной психологии проблемой смысла жизни занимался также В. Э. Чудновский. Он исследовал смысл жизни как психологический феномен, делая специальные акценты: на «личностный фундамент» становления смысложизненных ориентаций; на профессию, смысл жизни и судьбу человека; на некоторые «болевы́е точки» процесса становления личности [147]. Исследования В. Э. Чудновского знаменательны тем, что он соединял *смысл жизни* и *судьбу* человека. При этом он делал акцент на *адекватности* смысла жизни – его *реалистичности* и *конструктивности* [148]. Он полагал, что формирование адекватного отношения к собственной судьбе состоит в «способности “выстраивать” *перспективу собственной жизни*» [149].

Дневник за развитием детей как классическое исследование жизненного пути личности

В то же время примером классического эмпирического исследования жизненного пути личности явился мой дневник, представляющий историю двух близнецов [150].

Ценность дневниковых записей была охарактеризована С. Г. Геллерштейном в его предисловии к книге «Близнецы»: «Эти записи, – писал он, – приведенные в систему, неопределимы по своему познавательному значению. И если они облечены в достойную этого материала форму, то без преувеличения их можно рассматривать как редкий синтез научного и художественного творчества» [151]. По существу, изначально будучи натурали-

Человек как личность не может не развиваться в обществе себе подобных

Ключевые понятия, отражающие сущность бытия человека

стом, я независимо от традиций, существующих в психологии, уделила одно из центральных мест биографическому подходу, рассматривая личную, индивидуальную жизнь в динамике ее жизненного пути. Здесь, как и в последующих своих работах, я рассматривала психологическое время личности (ее прошлое, настоящее и будущее) в контексте индивидуальной временной перспективы, а также в контексте исторического времени, в которое погружен человек на всех этапах своего онтогенеза.

Для нормального становления человек должен развиваться в обществе себе подобных: «Каждый отдельный человек входит в культуру, присваивая ее материальное и духовное воплощение в окружающем его культурно-историческом пространстве... Под культурой обычно понимают совокупность достижений общества в его материальном и духовном развитии, используемых обществом в качестве условия развития и бытия человека в конкретный исторический момент» [152]. Понятие «культура» важно для понимания развития личности и формирования ее на жизненном пути: человек всегда входит в определенные внешние условия (предметный, природный мир, а также в мир значений и смыслов родного языка и мир социально-нормативного пространства).

Кроме того, я постоянно указываю на то, что быть личностью – значит прежде всего хотеть и уметь брать ответственность за себя, за других и за Отечество.

К этим же положениям я обращалась и в других своих работах. Понятия «жизненный путь», «судьба», «пора» реально отражают сущность бытия человека – они не уходят из нашего обыденного, художественного, философского и научного сознания, а сопутствуют нам во всех проблемных для нас ситуациях [153]. Каждый человек, стремящийся развивать и выстраивать в себе личность, подходит к пониманию необходимости перехода *от воспитания к самовоспитанию, от образования к самообразованию*. Личность развивается и определяет направление жизненного пути через взаимодействие с социальными установлениями. Личность, *обладающая способностью к свободе выбора, к самостоянию, всегда стремится контролировать свои ориентиры на избранные направления своего жизненного пути* в условиях референтного социального окружения.

Здесь следует обратиться к видению жизненного пути, сущностной особенностью которого является позиция религиозной веры.

(Продолжение следует.)

1. *Даль Вл.* Пора // Пословицы русского народа: В 3-х т. – Т. 2. – СПб., 1996. – С. 341, 351.
2. *Даль Вл.* Жизнь-смерть // Пословицы русского народа: В 3-х т. – Т. 1. – СПб., 1996. – С. 410.
3. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 2-е изд., исправл. и доп. – М., 2010. – С. 584.
4. *Там же.* – С. 592–593.
5. *Там же.* – С. 856.
6. *Там же.* – С. 871.
7. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. – М., 1993.
8. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М., 1977. – С. 406–420.
9. *Там же.* – С. 420.
10. *Там же.* – С. 420.
11. *Бахтин М. М.* Философская эстетика 1920-х годов: Собр. соч. – Т. 1. – М., 2003. – С. 70.
12. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность. – 2-е изд. исправл. и доп. – М., 2010. – С. 584.
13. *Там же.* – С. 592–593.
14. *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни // Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология. – Вып. 2. – М., 1994; *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. – М., 1946; *Фромм Э.* Иметь или быть? – М., 1990; *Он же.* Бегство от свободы. М., 1989; *Он же.* Душа человека. – М., 1992; *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность. – 2-е изд. исправл. и доп. – М., 2010 и др.
15. *Карев В. М.* Судьба // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. – Т. 1. К–Я. – М., 1982. – С. 471–474.
16. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1979. – С. 74.
17. *Там же.* – С. 433.
18. *Там же.* – С. 79.
19. *Там же.* – С. 73.
20. *Там же.* – С. 310.
21. *Там же.* – С. 313.
22. *Там же.* – С. 361.
23. *Там же.* – С. 404.
24. *Там же.* – С. 435.
25. *Гомер.* Илиада. – М., 1978; *Гомер.* Одиссея / Пер. с др.-греч. В. Жуковского. – М., 1981; *Горан В. П.* Древнегреческая мифология судьбы. – Новосибирск, 1990.

26. *Аристотель*. Метафизика: Соч. в 4-х т. – Т. 1. / Пер. с др.-греч. – М., 1976. – С. 198, 243, 288.
27. *Аристотель*. Никомахова этика: Соч. в 4-х т. – Т. 4 / Пер. с др.-греч. – М., 1984. – С. 54, 55.
28. *Там же*. – С. 62.
29. *Там же*. – С. 84.
30. *Там же*. – С. 99.
31. *Там же*. – С. 100.
32. *Там же*. – С. 101.
33. *Там же*. – С. 101.
34. *Даль В. И.* Пословицы русского народа: В 3-х т. – Т. 1. – СПб., 1996. – С. 69–74.
35. *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. – 2-е изд. в 4-х т. – Т. 4. – Р-У. – М. – С. 103.
36. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность <...> – 2-е изд. – М., 2010. – С. 691.
37. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логика. Энциклопедия философских наук. Соч.: В 3-х т. – Т. 1. – М., 1974. – С. 405.
38. *Там же*. – С. 406.
39. *Там же*. – С. 407.
40. *Там же*. – С. 408.
41. *Гегель Г. В. Ф.* Философия духа. Энциклопедия философских наук. Соч. в 3-х т. – Т. 3. – М., 1977. – С. 78–79.
42. *Там же*. – С. 81
43. *Там же*. – С. 81–92.
44. *Там же*. – С. 92.
45. *Там же*. – С. 92.
46. *Там же*. – С. 174–175.
47. *Там же*. – С. 233.
48. *Там же*. – С. 204.
49. *Там же*. – С. 234.
50. *Там же*. – С. 19, 24, 80, 92, 150, 204.
51. *Там же*. – С. 205.
52. *Гегель Г. В. Ф.* Философия природы. Энциклопедия философских наук. Соч. в 3-х т. – Т. 2. – М., 1975. – С. 363.
53. *Там же*. – С. 363.
54. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логика. Энциклопедия философских наук. Соч. в 3-х т. – Т. 1. – М., 1974. – С. 229, 268, 303.
55. *Там же*. – С. 229.
56. *Там же*. – С. 230, 234, 236–237.
57. *Цвейг Ст.* Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. – М., 1977. – С. 286; *Цвейг Ст.* Воспомяная об

Эмиле Верзарне. Избр. произв.: В 2-х т. – Т. 2. – М., 1956. – С. 5–50; *Цвейг Ст.* Бальзак. Избр. произв.: В 2-х т. – Т. 2. – М., 1956. – С. 53–76; *Цвейг Ст.* Диккенс. Избр. произв.: В 2-х т. – Т. 2. – М., 1956. – С. 79–100; *Цвейг Ст.* Магеллан. Избр. произв.: В 2-х т. – Т. 2. – М., 1956. – С. 331–504; *Моуэм С.* Луна и грош. Театр. Рассказы. – М., 1983; *Дали С.* Дневник одного гения. – М., 1991; *Шмеман А., прот.* Дневники. 1973–1983. – М., 2005; *Олпорт Г.* Автобиография / Становление личности. Избр. труды. – М., 2002. – С. 15–34.

58. *Олпорт Г.* Личность: проблема науки или искусства? / Психология личности. Тексты // Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря – М., 1982. – С. 208.

59. *Там же.* – С. 208.

60. *Там же.* – С. 208.

61. *Там же.* – С. 209.

62. *Там же.* – С. 215.

63. *Олпорт Г.* Становление личности: Избранные труды. – М., 2002.

64. *Janet P.* L'évolution psychologique de la personnalité. Chahime. – P., 1929.

65. *Жане П.* Эволюция памяти и понятие времени: Пер. с фр. // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. – М., 1979. – С. 85–92; *Жане П.* Неврозы: Пер. с фр. – М., 1911. – С. 31–50.

66. *Жане П.* Психологическая эволюция личности. – М., 2010. – С. 384–385.

67. *Buhler Ch.* Dersnchliche Lebenslauf als Psychologisches Problem. – L, 1933; *Buhler Ch.* Der menschliche Lebens Laut als Psychologisches Problem. – Cottingen, 1959.

68. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. – СПб., 2000.

69. *Levin K.* Time perspective and morall. – N.Y., 1942. – P. 49; *Levin K.* Tied theory in social science; selected theoretical papers. – N.Y., 1951.

70. *Levin K.* Time perspective and morall. – N.Y., 1942. – P. 50

71. *Эриксон Э.* Детство и общество. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб., 1996. – С. 6–22.

72. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. – М., 1996. – С. 100–217.

73. *Августин А.* Исповедь. – М., 1998.

74. *Руссо Ж. Ж.* Исповедь // Педагогические сочинения: В 2-х т. – М., 1981.

75. Гете И. В. Из моей жизни: поэзия и правда. – М., 1969.
76. Пушкин А. С. Из лицейского дневника. 1815 // Собр. соч. – М., 1976. – Т. 7.
77. Добролюбов Н. А. Дневник 1852 года // Собр. соч. – Т. 8. – М.; Л., 1967.
78. Аксаков С. Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. – М., 1987.
79. Толстой Л. Н. Дневники // Собр. соч. – М., 1965. – Т. 19; Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность.
80. Бердяев Н. А. Самопознание. – М., 1990.
81. Дневник Марии Башкирцевой. Избранные страницы. – М., 1991.
82. Чуковский К. И. Дневник 1901 – 1929 гг. – М., 1991.
83. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – М.; Львов, 1998.
84. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. – М., 1990; Франкл В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. – М., 2004.
85. Франкл В. Человек в поисках смысла. – С. 198.
86. Там же. – С. 198.
87. Там же. – С. 198–199.
88. Там же. – С. 200.
89. Там же. – С. 202.
90. Ясперс К. Общая психопатология. – М., 1997. – С. 37.
91. Там же. – С. 38.
92. Там же. – С. 375, 432.
93. Там же. – С. 900.
94. Там же. – С. 908.
95. Там же. – С. 909.
96. Там же. – С. 909.
97. Там же. – С. 908–911.
98. Фрейд З. Письма к невесте. – СПб., 2006; Фрейд З. Бесстрашие истины. – М., 2006.
99. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология. Вып. 2. – М., 1994.
100. Там же. – С. 260.
101. Там же. – С. 262.
102. Там же. – С. 262.
103. Там же. – С. 264.
104. Там же. – С. 265.
105. Там же. – С. 265.

106. Там же. – С. 266.
107. Там же. – С. 267.
108. Там же. – С. 267.
109. Там же. – С. 267.
110. Там же. – С. 267.
111. Там же. – С. 268–269.
112. Там же. – С. 271.
113. Там же. – С. 272.
114. Мухина В. С. Личность: Мифы и Реальность <...> – 2-е изд. – М., 2010. – С. 35, 336, 369, 905, 949.
115. Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1986. – С. 192.
116. Там же. – С. 192–193.
117. Там же. – С. 153.
118. Там же. – С. 154.
119. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1990. – С. 50–51.
120. Там же. – С. 55–57.
121. Там же. – С. 59.
122. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – М., 1946. – С. 682–683.
123. Там же. – С. 676.
124. Там же. – С. 676–677.
125. Там же. – С. 680.
126. Там же. – С. 682.
127. Там же. – С. 682.
128. Там же. – С. 683.
129. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М., 1991. – С. 10.
130. Там же. – С. 76–125.
131. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Избр. психол. труды: В 2-х т. – Т. 1. – М., 1980. – С. 65–123.
132. Там же. – С. 105.
133. Там же. – С. 116–117.
134. Там же. – С. 115.
135. Там же. – С. 118.
136. Мухина В. С. Личность: Мифы и Реальность. – 2-е изд. – М., 2010.
137. Там же. – С. 119.
138. Карвасарская Т. В. Прогресс общения и проблема биосоциального развития современного человека. – М., 1978; Логинова Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. – М., 1978 и др.

139. Бодалев А. А., Ганжин В. Т., Деркач А. А. Человек и цивилизация в зеркале акмеологии // В сб.: Современные проблемы смысла жизни и акме: Материалы VI–VII симпозиумов ПИ РАО / Под ред. А. А. Бодалева, В. Э. Чудновского, Н. Л. Карповой, Г. А. Вайзер. – Самара, 2002. – С. 15.

140. Мясницев В. Н. Психология отношений: Избр. психол. тр. – М.; Воронеж, 1995. – С. 16.

141. Там же. – С. 265.

142. Там же. – С. 278.

143. Мухина В. С. Феноменология бытия и развития личности. – М.; Воронеж, 1999.; Мухина В. С. Личность: Мифы и Реальность <...> – 2-е изд. – М., 2010.

144. Сайко Э. В. Субъект: созидатель и носитель социального. – М., 2006.

145. Коган Л. Н. Человек и его судьба. – М., 1988.

146. Никитин В. Н. Философия вечности: смысл жизни и смысл истории. – М., 2004.

147. Чудновский В. Э. Становление личности и проблема смысла жизни: Избр. труды. – М.; Воронеж, 2006.

148. Там же. – С. 649.

149. Там же. – С. 651.

150. Мухина В. С. Близнецы. – М., 1969; Мухина В. С. Таинство детства: В 2-х т. – 3-е изд. – Екатеринбург, 2005.

151. Геллерштейн С. Г. Предисловие к кн.: Мухина В. С. Близнецы. – М., 1969. – С. 3.

152. Мухина В. С. Феноменология бытия и развития личности. – М.; Воронеж, 1999. – С. 80.

153. Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития. – 12-е изд., перераб. и доп. – М., 2009; Мухина В. С. Личность: Мифы и Реальность <...> – 2-е изд. – М., 2010.